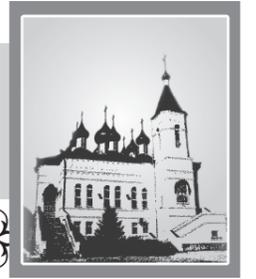

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Слово пастыря

Мы с вами будем говорить о Лазаревой субботе, о воскресении Лазаря. Начнем с того, что Христос воскрешал до Лазаря еще и других людей. Дочку начальника синагоги Иаира и единственного сына вдовицы в городе Наин. Там умершие были только что умершими. Лазарь был четверодневен, т.е. там уже запах гниения исходил из гроба, и умерший, очевидно, растлевался смертью. О чем Христос, собственно, и плакал, что смерть безобразна, она не входит изначально в планы Божии. Но завистью дьявола смерть вошла в мир.

И так Христос воскрешал до этого дочку Иаира, о которой Он говорил, что не умерла, но спит. А окружающие смеялись над ним, потому что ясно было, что умерла. Что значит спит? Мертвая она. Он взял за руку и сказал: «Девочка, тебе говорю, встань», — она встала. Так же и наинский мертвец. Город Наин расположен недалеко от Галилеи. Там Господь встретил погребение, т.е. его несли хоронить. Остановил процессию, прикоснулся к гробу и обратился к юноше как к живому: «Тебе говорю, встань», — он встал. И отдал его матери его, и все удивлялись, на всех был страх и радость одновременно. Заметьте себе, что страх и радость — они вообще не враги. В жизни мирской, кого боишься — того не любишь. И если есть страх, то радости нет. Т.е. страх и радость противоположны друг другу в вещах мирских, там, где есть грех. А где греха нет, там страх и радость — они вместе. Т.е. ты Бога боишься и радуешься о Нем одновременно. И одно другому не мешает. Это стоит запомнить, потому что очень важная вещь, на мой взгляд.

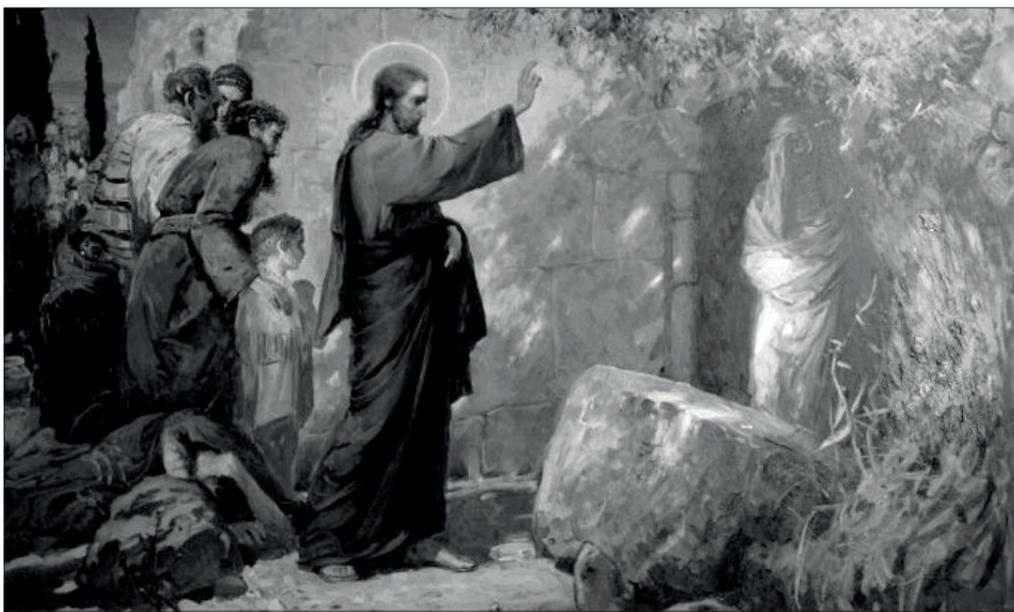
И вот Христос воскрешал дочь Иаира, сына вдовицы в Наине, а теперь Лазаря. Лазаря воскресил уже не так, как тех, потому что тех воскресил в первые часы после смерти. Еще были сомнения, мертв ли или обмер, замер. Мало ли бывает всякого в жизни! Муха за подоконником замрет и лежит там. Солнце загреет, она раз! — и полетела. Думали, что дохлая — она, оказывается, живая, просто спала. И есть сомнения в том, что может, не умирали вообще, может просто уснули, летаргический сон, что-нибудь еще такое. Так вот, Лазарь — это уже явное событие, которое говорит о том, что Христос властен над настоящей смертью. Т.е. без сомнения для всякого сомневающегося. Те тоже умерли по-настоящему, а сомневающийся может прицепиться: «А вот здесь, понимаешь, слишком мало времени прошло, они еще гнить не начали, их не похоронили, и т.д.» А вот Лазарь уже гнить начал, и похоронили, камнем закрыли. И уже воняло так, что из-за камня, из пещеры уже был запах тления.

У всех вас есть опыт жизни. Вы какие-то годы прожили, как-то прожили, что-то узнали, что-то увидели. И у каждого из вас есть свое знание. Наверняка, многие из вас обоняли запах труп, т.е. как пахнет труп. Наверняка знает это не только человек, который препарирует трупы, будучи доктором анатомии или патологоанатомом. А просто люди, которые погребают кого-то, хоронят соседей, родственников. Смертный запах, это сладко-страшный, сладко-вонючий, жуткий запах смерти. Наверняка вам в ноздри бил когда-нибудь. Это самый отвратительный запах, который есть на земле, ничего хуже не пахнет. Отступлюсь от темы. Вообще человек — самое вонючее существо. Например, помет человеческий — вонючее всего на свете. Помет коровий или конский, или другого животного — не такой противный, не такой страшный. А человек — всё, что он по себе оставляет, оно самое гадкое. И когда умирает человек, то смердит так, что терпеть невозможно. Самые задные люди с ужасом убегают из комнаты, где лежит покойник, если он вдруг начинает гнить на глазах, разлагаться. На самом деле это известно докторам и священникам, тем, кто хоронил своих родных, т.е. это на самом деле очень кошмарная тема, это изнанка нашей жизни. Мы сейчас вполне толерантно стараемся душить дезодорантами, духами, чтоб пахнуть хорошо. Но когда помрешь — как запахаешься, Боже сохрани! Это хорошо, что цветы не воняют, а пахнут, что мощи святых — они благоухают, и косточки, и тела.

Поэтому вонь разлагающегося Лазаря проникала из закрытой пещеры наружу, и когда Господь пришел туда, то ему сказали «Господи, уже воняет, уже смердит». Т.е. он воскресил человека, который был фактически объят смертью. Дочь Иаира и сын наинской вдовицы, они были только что взяты смертью, еще тело не остыло. На востоке по-

гребают в тот же день. Помер, замотали, побежали, похоронили. А у нас по-другому, долгое дело. Потому что мы знаем, что тело человеческое по идее, по призванию — храм Духа Святого. И мы это тело кадим, кропим, обмываем, одеваем, целуем, цветами облагаем. Очень часто бывает так, что наше погребение превращается в праздничное богослужение, как будто праведника хороним. Похороны праведника — это вообще радость, потому что мы чувствуем, что он уходит в лучший мир, когда у покойника часто лицо улыбается. Болел, болел, потом помер и улыбается. И все к нему приходят ко гробу, и непонятно вообще, плакать или не плакать. И так это всё во Христе происходит, со Христом, с благодатью Божией.

И вот Христос показывает нам воскресение Лазаря, что Он сильнее не просто смерти сегодня — вот смерть

взяла, украла человека. Он сильнее смерти в перспективе. Вспомните жизнь царя Давида. Царь Давид был смелый пастушок. Он имел мало печалей. Он играл на дудочке или псалтырке, перебирал струны, пел Богу песни и соблюдал свое стадо. Если медведь или волк, или другой хищный зверь вдруг хватал что-нибудь из стада и уносил — Давид бросал все дудочки, псалтырки, свои гусли, бежал за хищником, вступал в драку с ним, рвал ему пасть на две части. Он был молодой, сильный и смелый, и забирал израненное животное из зубов хищника, брал на плечи и нес обратно. Я думаю, что погрызенная овца, на своих ногах не вернулась в стадо, т.е. нужно было ее брать на плечи. Это всё о Христе, что Христос — Пастырь добрый, который берет на плечи израненное человеческое естество, ягненка этого, человека и несет его к Отцу. Когда Давид догонял медведя или волка, которые в зубах уносили маленького ягненка, то догонял, дрался, разрывал пасть, вынимал, спасал, уносил. То-есть это похоже на воскресение Христом дочери Иаира и сына наинской вдовицы. Т.е. всё происходит сегодня. Сегодня умер, сегодня воскрес.

А бывают такие случаи, когда ягненок заблудился, ушел, пропал, ножки поломал, упал в какую-нибудь пропасть, т.е. много дней нет его. И пастырь добрый идет и ищет его, и находит. Поднимает на плечи и возвращает обратно через несколько дней. Вот такое воскресение через несколько дней, это воскресение Христом Лазаря. Лазарь — это человек, который заслужил имя «друг Божий». Слово «друг» вообще — это священное слово, потому что друг в каком-то смысле — это нечто большее, чем любимый человек. Потому что можно сказать: «Я тебя люблю, а ты меня не любишь». Но нельзя сказать «Я с тобой дружу, а ты со мной не дружишь», — т.е. дружба всегда взаимная. Дружба выше любви, потому что любовь бывает неразделенная, а дружба неразделенная не бывает. Друг Божий... Друзьями Христос называл Своих учеников и говорил: «Вы друзья Мои, потому что Я сказал вам всё, что слышал от Отца Моего», — т.е. друзья Божьи. Он находится в тесном общении с ними, и у Него от них нет секретов. Он им доверяет. Они готовы подняться в любое время и пойти, куда Он скажет.

Есть такая песня старая про друга, что друг всегда уступить готов место в лодке и круг. Друг — это человек, который на всё готов, для многих это очень понятная вещь, потому что у вас есть друзья и подруги. Ночью набираем телефон, он прибежит к тебе сейчас же и говорит: «Нужны деньги? Сейчас найдем. Нужно лекарство? Сейчас найдем. Нужна помощь? Сейчас найдем». А есть люди, которые не знают дружбы, у которых нет таких друзей. Которые сами

никогда не были такими друзьями ни для кого. Вот и у них самих не было таких друзей. «Три товарища» Ремарка, например, — книжка про трех друзей сумасшедшей жизни, жизни падшей, жизни грешной. Но, тем не менее, там три товарища, они до конца, до крови, до смерти не разделяются. Как три мушкетёра у Дюма. Как Алёша Попович, Илья Муромец и Добрыня Никитич на известной картине Васнецова. Вот друзья — не разлей вода!

Лазарь — друг Божий. Господь любил его, часто бывал в доме его. Он пришел туда, там есть много нюансов, очень тонких, касающихся отношений между Христом и сестрами Лазаря. Потому что мы читали в Евангелии, там же пишется у Луки, что Христос часто бывал у них дома. Однажды в доме Марфа гремела кастрюлями, т.е. она готовила угощение, то, что вкусно для Христа. А Мария вообще забыла про всё, она не была лентяйка, она просто забыла обо всём. Она села при ногах Иисусовых, и Он с ней разговаривал. Он, видимо, говорил ей про царство Божие, про красоту духовной жизни, про то, как хорошо не гневаться, не раздражаться, не сквернословить, не брать чужого, не прелюбодействовать. И она, раскрывши рот, забыв про всё, слушала Его, а Марфа там гремела банками. И тут, в конце концов, Марфа говорит: «Господи, ну что такое, сестра моя оставила меня одну служить. Скажи ей, пусть мне поможет». И Христос говорит ей: «Марфа, Марфа, ты переживаешь и беспокоишься о многом. На самом деле на потребу нужно есть только одно и Мария блаженнее тебя. Она благую часть избрала», — т.е. она слушает глаголы вечной жизни. Вот эти Марфа и Мария, они потом приходили к гробу Лазаря, брата своего. И там тонкая психология. Первая Марфа пришла, Марфа везде первая: и накрыть стол, и убрать в доме, и прийти к гробу — она везде первая. А Мария вторая всегда, но Мария

всегда лучше, она как-то смиреннее, тише, лучше, смысленнее. Почитайте, это 11-я глава Евангелия от Иоанна, довольно пространное повествование о посещении Христом этой могилы.

В конце концов, Господь громким голосом воззвал Лазаря: «Лазарь! Гряди вон», — т.е. Лазарь, выходи наружу, выходи оттуда, не оставайся там. «Лазарь! Гряди вон», — и вышел умерший. Христа голос воззовет нас из гробов наших. У пророка Иезекииля написано: «Я воззову вас из гробов ваших», — это говорит Господь. Т.е. Господь сказал: «Я, Господь, воззову вас из гробов ваших». Вот Христос и есть Тот, Кто голосом вызывает людей из гробов. Вот он сказал: «Лазарь! Гряди вон», — и вышел умерший. Смерть не может ничего противопоставить словам Христа. К тому же мы читаем Евангелие от Иоанна о том, что наступит время, когда мертвые и живущие в гробах услышат голос Сына Божия и, услышавши, — оживут. Вот оно и исполняется. Лежащий во гробе Лазарь слышит голос Сына Божьего Христа, услышав Его, оживает и выходит.

Господь говорит: «Лазарь! Гряди вон», — Лазарь поднимается. На Лазаре Христос показывает, что Он сильнее смерти в полном смысле слова. Не только умершие только что, которые еще остыть не успели и которых еще в землю не похоронили. Не только что обмершие, заболевшие, над болезнями власть имеет Христос. Но Он имеет власть над смертью, которая уже съела человека, он уже воняет, уже всё, уже смердит. А Христос говорит: выходи — он выходит. Смерть не имеет власти над человеком, к которому обращается Христос. Притом Христос зовет человека по имени, говорит «Лазарь! Гряди вон», — имеется в виду, что Христос тоже будет звать нас по именам, Он нас знает, знает кого как зовут. Он, божественно умудрившись, исхитрившись, позовет нас всех в одну секунду одновременно по именам, и мы все начнем подниматься из гробов наших в день Страшного и великого Воскресения всех мертвецов, и поднимемся из гробов наших. Потому что Христос сильнее смерти, и на Нем исправилось и исполнилось слово: «Я выведу вас из гробов ваших». Суббота Лазарева, друзья. Христос перед смертью показывает власть Свою над смертью. Прежде, нежели Ему умереть, Он показывает, что Он сильнее смерти. И это нас веселит и печалит одновременно. Веселит, потому что Он сильнее смерти, а печалит, потому что вот такого хорошего, такого сильного, такого святого все-таки мы, люди, осудили, избили, изувечили и распяли. Это же мы все сделали. Это же не только еврей виноват, это человек виноват.

Протоиерей Андрей Ткачев

«Ведро незабудок» и другие рассказы Александра Богатырева

Продолжение. Начало в № 7 (400)

Отношение Ивана к Церкви меня поражало. У него были все альбомы с иконами, выпущенные в России и странах соцлагеря. Он ездил на этюды в Коломенское, Серпухов, Суздаль, Новгород, Псков, на Соловки. Посетил практически все места, где сохранились красивые древние храмы. Но в самих храмах не мог простоять и получаса. Он не терпел священнослужителей и партесное пение. Собирал записи пения по крюкам и хвалил старообрядцев. Я предложил ему как-то съездить на Рогожское кладбище к старообрядцам, но он решительно отказался. В его душе постоянно происходила борьба, и я старался не лезть к нему в душу. Но однажды не выдержал и, рассматривая его работы, сказал, что у него очень мрачный колорит, говорящий о том, что с его душой не все благополучно. Он сильно разобиделся и, быстро раскладывая передо мной последние работы, сердито повторял:

— Где тут мрачный колорит?
— Везде. Ты пишешь залитый солнцем день, а у тебя выходят мрачные сумерки.
— Ты просто ничего не смыслишь в живописи, — горячился Иван.
— Погляди, какое сочетание тонов. Как один переходит в другой.
— Очень мрачное сочетание, — не щадил я его.
— Тебе нужен Петров-Водкин с перекрашенным красным и пересиненным синим. Тебе нужна вульгарная яркость, а я вижу тревогу во всем. Тревогу, грозящую прекрасному гибели.
— Это слова. На картинах этого нет. Есть мрак, свидетельствующий о том, что для тебя закрыто Небо и ты отвергаешь Бога.

— Я отвергаю Бога?! — заревел вдруг Иван. — Я попов отвергаю и лицемеров вроде тебя. Я не верю, что у тебя есть потребность три часа выстаивать на всенощных службах. Вы все притворяетесь.

— Неправда. И ты знаешь, что это неправда. Перед кем лицемерить? Перед коммунистами, которые прогоняют верующих людей с работы?

— Я отвергаю Бога? Да я избу купил рядом с монастырем.
— Зачем ты это сделал, если не ходишь на службы?
— Я люблю красоту. Я могу часами смотреть на фрески Дионисия. И мне совершенно не нужно, чтобы меня отвлекал дьякон звяканьем кадила.

— А-а-а, вот ты и проговорился. Кадило тебе мешает. И запах ладана. А кто его боится?

Конечно, это я зря сказал. Ивана даже перекосило от ярости. Он схватил новый холст, натянутый на подрамник, и с треском насадил его на мольберт.

Это была наша первая ссора. Из-за соборования мы поссорились во второй раз. Но через две недели он сам позвонил мне и пригласил навестить его в деревенской тиши. Избу он купил за 600 рублей. Это была покосившаяся развалина на живописнейшем высоком берегу Шексны.

Иван поддомкратил избу, поменял два нижних венца и пристроил светелку с окном во всю стену. Получилась прекрасная мастерская с видом на Шексню. Я приехал к нему в конце мая. Стояли белые ночи. Уложил он меня в этой мастерской. Я не мог до утра сомкнуть глаз, глядя на широкую излучину реки, по которой часто шли грузовые суда с длинной палубой и невысокой надстройкой у самой кормы. Солнце село за горизонт, но долго посылали пылающие лучи в едва померкнувшую синь неба, расцвечивало высокие перистые облака и закрашивало светло-желтым бока низко плывущих плотных бело-марморовых завихрений.

Заснул я часов в шесть, а в десять Иван разбудил меня. Он взял этюдник, и мы пошли вдоль берега реки.

Несколько раз он останавливался у невысоких холмов, всходил на них, оглядывая красоты, потом спускался и мы шли в поисках более красивого пейзажа. Через час мы поднялись на гору Мауру, и Иван показал мне, откуда Кирилл Белозерский высмотрел себе место для спасения души.

— Вон там Кирилло-Белозерский монастырь, — показал Иван на восток.

Но увидеть монастырь из-за высоких елей не удалось. Мы спустились с горы и пошли в сторону Горичского монастыря. Монастырь был в страшном запустении: полуразвалившаяся церковь и несколько строений — некогда монашеских келлий.

Пьяненький мужичок подошел к нам и стал клянуть на водку:

— Друг мой повесился. Я теперь на всю деревню один мужик остался.

— А баб сколько в деревне? — спросил я, чтобы как-то подержать разговор.

Мужичок не ответил, крикнул и отчаянно махнул рукой. Я дал ему красненькую десятку с профилем вождя всех времен и народов.

Иван хотел было порисовать в монастыре, но передумал, и мы отправились обратно. По дороге он рассказал мне, что и в его деревне за минувшую зиму повесились два мужика.

Так это было нелепо: красивая река, луга с сочными зелеными травами и ярким разноцветьем полевых цветов, необъятное бездонное небо, а под ним — тоскующий народ, не замечающий этой красоты, потерявший смысл жизни и само желание ее продолжать. Что должно происходить с душой, чтобы она толкнула своего хозяина в петлю!? И что произошло с народом? Предки этих самоубийц — вологодские-тотемские мужики — с одним топором и без всякой техники освоили Сибирь и дошли до Америки. А у этих нынче и горя особого нет: бери земли сколько хочешь, трудись и радуйся возможности питаться от трудов своих... Почти целый век мучили русского крестьянина, пока не убили в нем волю к жизни.

Мы обменялись с Иваном несколькими невеселыми фразами и остаток пути шли молча. За полверсты до деревни Иван остановился и сказал, что «нашел точку». Он снял с плеча этюдник, а я, чтобы не мешать ему, пошел к дому готовить обед.

Иван вернулся часа через три и, не заходя в дом, пошел к реке. Я побрел вслед за ним и увидел, как он отмывает от грязи человеческий череп. Тонкой палкой он выгребал из глазниц землю и опускал череп в воду, вымывая из него остатки грязи.

Я остановился в двух шагах и стоял молча. Иван, не оглядываясь на меня, произнес:

— Только не говори, что Православие не разрешает художникам писать натюрморты с черепами.

— Где ты его взял? — спросил я и подошел ближе.

— Валялся рядом с кладбищем. Там еще один лежит.

— Где именно?

Иван усмехнулся.

— От того места, где я остался, по тропе до начала кладбища. А отсюда если пойдешь, то за деревней от развилки вправо до первых могил. Увидишь. Там только один уцелевший крест. Рядом с ним и ищи.

Я поднялся к дому, взял лопату и пошел к кладбищу. Найти единственный крест было просто. Под ним действительно лежал череп. Я положил его под крестом в яму полуметровой глубины. Копать до гроба и проверять, на месте ли череп у похороненного в этой могиле, не стал.

Когда я вернулся, Иван сидел у мольберта в светелке. Посредине небольшого стола на красной драпировке лежал череп. Рядом с ним — глиняный кувшин с широким горлом, красное яблоко, привезенное мной, и две сушеные рыбины. Иван уже набросал подмалевок и орудовал кистью в вытянутой руке. Он откинул голову назад и, прищурившись, поглядывал то на изображаемые предметы, то на холст. На мой приход он никак не отреагировал, и я вышел. Спустился к реке и забрался в лодку. Эту лодку Иван купил прошлым летом у соседа — того самого, что самовольно отправил себя к праотцам. Лодка была большая, хорошо просмоленная. И лежала она на берегу очень живописно. Вот бы какой пейзаж написать! Я начал заочный разговор с Иваном. Получилось складно. Я бы послушался и побежал захранивать череп. Но как убедить Ивана?! При его-то упрямстве!

Я долго смотрел на медленно текущую воду, на сновавших возле мостков жуков-водомеров, на русалочьи волосы водорослей. Они плавно колыхались, словно невидимый гребень течения расчесывал их. Закатное солнце пустило по воде огненную дорожку.

«И вместо того, чтобы сидеть сейчас здесь и писать эту красоту, бедняга мазюкает символ смерти!» — скорбела моя душа.

Я побежал в избу и закричал с порога:

— Посмотри, какой закат! Отвлекись!

Иван не взглянул на меня и ничего не ответил. Я взял табурет и сел напротив него.

— Ты меня прости, но я должен тебе это сказать. Ты не артефакт в земле нашел, не рыцарский шлем, а человеческие останки. У тебя на столе лежит часть покойника. А она должна покоиться в земле до Второго Пришествия. Покоиться, а не лежать в соседстве с сушеными лещами.

Иван холодно посмотрел на меня:

— Для меня это часть натюрморта. Я художник и имею право,

вслед за великими мастерами, писать натюрморты с чем угодно: фруктами, сушеными рыбами, ослиными или человеческими черепами.

— У тебя нет такого права. Покойник должен быть упокоен.

— Да что ты зарядил свою бодягу! Какой покойник? У меня нет покойника. Это череп. Часть натюрморта, имеющего искусствоведческое определение «ванитас». «Ванитас» — это натюрморт с черепом в качестве центральной детали композиции. И это не простой натюрморт. Это символ. В нем глубокая философия, выраженная в библейском изречении Экклезиаста. «Ванитас ванитатум эт омниа ванитас!» Суета сует и все суета! Это сказал Экклезиаст, а не я и не искусствовед Жучкин. Да, мне нравится этот символ. Символ скоротечности жизни и бессмысленности суеты. И если ты не ценишь великих художников, написавших шедевры, в центре которых были черепа, то нам не о чем говорить. Поль Сезанн, Босх, Пикассо, Ван Гог... А Дюрер с Караваджо, написавшие святого Иеронима с черепом! Продолжать? Ладно, тебе не нравится моя живопись. Ты говоришь: она мрачна. Я просто передаю суть явлений. Я их вижу, а ты нет. В этом все дело.

— Череп с зажженной сигаретой работы Ван Гога — это, конечно, замечательно. А как ты думаешь, почему Поленов, Нестеров, Куинджи и другие русские художники обходились без черепов? Почему они воспевали красоту жизни, а не ее бессмысленность и ужас?

— Вот их и спрашивай. Художник волен делать все, что подскажет ему вдохновение.

— Ну как тебя расшевелить, как сделать, чтобы ты увидел суть не в смерти, а в вечной жизни. Смерти нет. Ее победил Христос. Суть не во мраке. Как можно человеку с чуткой душой не видеть этого? Отвергать Фаворский свет и Христа — Солнце жизни и предпочесть этому мрак.

— Я Христа не отвергаю. Я отвергаю тех, кто Его учение одевает в бетонные одежды. Я законничество ненавижу. И законников, которых, кстати, Христос изгонял из храма.

— Да ведь ты храм отвергаешь. Отрицаешь необходимость Таинств. Но Таинства установлены Самим Христом. Значит, ты отвергаешь Бога и то, что Он даровал нам в качестве орудия спасения.

Иван положил кисть, придвинулся ко мне и тихо сказал:

— Прекрати эту высокопарную болтовню. Я благодарю Бога за то, что Он даровал мне свободу. Жажда свободы мучила меня с детства. Теперь я ее обрел. И не отнимай ее у меня. И еще: в своем доме я буду делать все, что хочу. Если ты попробуешь украсть череп и закопать его — пеняй на себя.

Продолжать этот разговор было бессмысленно. Я впервые услышал из уст моего друга угрозу. И он не шутил. Я вышел из светелки, взял свой рюкзак и выбрался на улицу.

Белая ночь сделала речной пейзаж еще таинственнее и прекраснее, чем он был час тому назад. Река тускло серебрилась. Вздыбленная горка света на месте закатившегося солнца была тревожно-багровой у горизонта, но чем выше, тем светлее и радостнее. Я шел по берегу Шексны, пытаюсь успокоиться и понять, прав ли я, покидая моего гордого друга, или нужно вернуться. Я приехал, чтобы залатать разрыв из-за соборования его матери, и вместо примирения — еще горший разрыв. Пятнадцать лет я надеялся, что смогу помочь ему. Столько лет я не предпринимал любовных атак, не старался переспорить его. Если и заводил разговор о вере, то старался сделать это неназойливо. Я был уверен, что при его твердости и мужестве из него получится истинный воин Христов. И он утратит нам всем, теплым, носы, совершив какой-нибудь замечательный подвиг. И даже после этой истории с черепом я не терял надежды.

Обычно он возвращался из деревни в конце октября. Я позвонил ему в ноябре. Он вежливо, но сухо ответил на мои вопросы. Когда я спросил, похоронил ли он череп, в трубке раздались короткие гудки.

С тех пор я не звонил ему. А недавно встретил в метро его сына. Он обрадовался встрече и спросил, почему я пропал: не звоню и не приезжаю к ним. Конечно, Иван ничего не рассказал ему.

— Как папа, как мама? — спросил я.

— А вы не знаете? Папа умер в начале лета. Дурацкая смерть. Мама ругала его за то, что он ходил на эти «марши несогласных». Они постоянно спорили из-за политики и ссорились из-за этого. После одной из ссор папу разбил паралич. Через неделю он умер. Последние дни он едва шевелил языком. Понять что-нибудь было очень трудно. Потом начался бред. Кстати, он вас все время вспоминал. Просил, чтобы вам передали, что он похоронил. А кого похоронил? Может, бабушку имел в виду. Но скорее всего бредил.

Продолжение следует

Отметим

Авва Исаия говорил: «Будем памятовать о Том, Который не имел, где поклонить главу. Рассмотрим это, человек, и не высокоумствуй о себе. Рассмотрим, кто — Он, и чем соделался ради тебя. Владыка твой провел земную жизнь странником, не имея дома. Удивительно Твое неизреченное человеколюбие, Господь наш! Как смирил Ты Себя до такого уничижения ради меня! Если Сотворивший все единым словом не имел, где главу поклонить, то ты, несчастный человек, зачем предаешься попечениям о суетном, зачем ослепляешься несытою безумною? Рассмотрим это, и избери для себя благое».

Также говорил авва Исаия: «Ежедневно имейте смерть пред очами. Да объемят вас непрестанно попечение о том, каким образом вы будете разлучаться с телом, каким образом возможете пройти чрез область властей тьмы, которые встретят вас на воздухе, как предстать вам пред Бога благополучно. Предуготовляйтесь к страшному дню ответа на суде Божиим, как бы уже видя его. Тогда получите воздаяние свое все дела, слова и помышления каждого из вас: «вся бо нага и объявлена пред очима» Того (Евр. 4, 13), Кому должны мы представить отчет в земной жизни нашей».

Также говорил: «Не спорьте друг с другом ни по какому поводу, не говорите худо ни о ком, не судите ни о ком, не осуждайте и не унижайте никого ни словом, ни в сердце, отнюдь не ропщите ни на кого, не подозревайте никого в каком-либо зле».

Еще говорил: «Не допустите пребывать в сердце вашем злобе на ближнего, ненависти и зависти к нему».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

9 апр., вс. — Неделя ва́ий (цветоно́сная, Вербное воскресенье). Вход Господень в Иерусалим. Мц. Матроны Солунской. Сщмч. Иринья, еп. Сремского.

10 апр., пн. — Страстная седмица. Великий Понедельник. Прп. Илариона Нового, игумена Пеликитского. Прп. Стефана чудотворца, исповедника.

11 апр., вт. — Страстная седмица. Великий Вторник. Мчч. Марка, еп. Арефусийского, Кирилла диакона и иных многих. Прп. Иоанна пустытника.

12 апр., ср. — Страстная седмица. Великая Среда. Прп. Иоанна Лествичника. Свт. Софрония, еп. Иркутского. Св. Еввулы, матери вмч. Пантелеймона. Прор. Иоада. Апп. Сосфена, Аполлоса, Кифы и иных.

13 апр., чт. — Страстная седмица. Великий Четверток. Воспоминание Тайной Вечери. Сщмч. Ипатия, еп. Гангрского. Свт. Иннокентия, митр. Московского. Свт. Ио́ны, митр. Московского и всея России, чудотворца.

14 апр., пт. — Страстная седмица. Великий Пяток. Воспоминание Святых спасительных Страстей Господа нашего Иисуса Христа. Прп. Марии Египетской. Прп. Евфимия, архим. Суздальского. Прп. Варсонофия Оптинского.

15 апр., сб. — Страстная седмица. Великая Суббота. Прп. Тита чудотв.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка — на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор — настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/> г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем — 1 печатный лист. Тираж — 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!